

спираючись, але в особливий індивідуалізований спосіб. Предмет дослідження, який зараз проявляється на емпіричному рівні, з одного боку - стимулює до швидкого реагування й пошуків ефективних засобів для його миттєвого схоплення й опису, з іншого ж – вимагає зрестися усталених стереотипів, але й, через свою новизну (а отже – й незвичність), потребує й традиційних засобів фіксації. Усе це безумовно впливає і на вибір пріоритетних наукових тем та провідних методологій, і на особистий життєвий шлях та характер дослідника.

З іншого ж боку і ті особливі умови, у яких опинилась сьогодні наша галузь (релігієзнавство) можуть перестати видаватися трагічними у випадку вдалої пристосовності конкретних окремих досліджень до сучасних прагматично-утилітарних запитів. Але для цього вони щонайперше повинні бути сучасними у своїй предметній зосередженості, актуальними у своїй змістовній запитаності, адекватними у методологічній розгорнутості й ефективними у прогнозо-моделювальній перспективності.

1.6. *Михаил ЧЕРЕНКОВ. Образование, религиозность и смысл: христианские перспективы изнутри кризиса.*

Вспоминая дискуссии с религиоведом и другом Натальей Гавриловой, я решил собрать под одним названием три кратких и совершенно разных текста – разных по жанру, времени и цели написания. Мне кажется, что именно в связи *образования-религиозности-смысла* Наталья жила и мыслила. По крайней мере, опыт нашего общения свидетельствует в пользу этой версии. Мы с ней неоднократно говорили о тройном кризисе - образования, традиционной религиозности и предельных смыслов. В память о тех разговорах хочу еще раз сказать об этой кризисной триаде (к величайшему сожалению, на сей раз в режиме монолога), и при этом предложить возможные христианские ответы.

Кризис образования. Слово кризис очень хорошо характеризует не только способ бытия человека в мире, но и способ бытия самого мира. Мы так свыклись с этим словом, что теперь не понятно, можно ли жить без кризиса, вне кризиса, по ту сторону кризиса. Финансово-экономический кризис 2008 года оставил так много последствий, что не совсем ясно, закончился ли он. Можно назвать наше время кризисным, можно посткризисным, можно предкризисным, все это будет верным, и везде будет одно и то же слово, слово-символ, слово-предупреждение.

Кризис вынуждает нас задавать крайние, предельные вопросы вроде «быть или не быть?», причем если и возможно «быть», то это предполагает «быть другим», чем доньше.

Теперь я хочу связать между собой два типа кризиса, упомянутые в названии моего выступления. «Кризис образования» – внутреннее дело образовательной системы; накопились проблемы, решить их по-старому не могут, но зреют новые решения и новые силы, которые помогут из кризиса «выйти».

«Образование в эпоху кризиса» - это ситуация не внутренняя, а глобальная, поэтому из «кризиса образования» уже некуда «выйти». Если кто и вышел из кризиса внутреннего, то тут же попал в кризис всеобщий, всеохватный, вездесущий. Вот и получается, что выйти из кризиса нельзя, он хронический, бесконечный, безвыходный. Вот и получается, что преодолевая внутренние образовательные кризисы, нужно учитывать контекст глобальной неопределенности, учиться жить в состоянии кризиса, свыкнуться с его подавляющим присутствием, и при этом добиваться успехов, побед, прорывов на своем участке ответственности.

Я остановлюсь лишь на трех факторах, которые определяют кризис эпохальный, которые мы не можем вычеркнуть или игнорировать, но на которые мы можем по-христиански отвечать изнутри сферы образования.

Первый фактор – **ускорение и перенасыщение жизни в информационном обществе**. При постоянном ускорении жизни и ужесточении ритма времени на образование «с отрывом от производства» практически не осталось или не оставили.

Люди новых поколений настолько спешат жить, что не хотят тратить время на учебу. Точнее, они хотят учиться тому, что помогает им жить лучше. Т.е. они не хотят и не могут выделять отдельное время на учебу, они предпочитают учиться изнутри жизни, не выходя из нее, не закрываясь в аудиториях и не подвергая себя экзаменационным стрессам.

Вечный вопрос о связи жизни и учебы становится предельно злободневным. Ответить на него можно более гибкими форматами обучения, индивидуализацией подходов, встраиванием обучения в жизнь, когда учеба не будет преподноситься как приуготовление к жизни (отсрочка жизни, задержка старта) или отрыв от нее (трата драгоценного времени в искусственной среде), но как часть жизни, как условие ее динамики, успешности, перспектив.

Второй фактор – **безобразность мира, распад привычных образов мира и человека**. Картина мира настолько плюральна, что не понятно, какой образ мышления, жизни, человека, мира должно формировать образование. Понятно, что образ должен быть соответствующим, т.е. должен соответствовать заданному, верному, образцовому образу. Но в отсутствие образца, в отсутствие согласия относительно того, что считать образцом, в преподавательском коллективе и затем в учебной аудитории возникает хаос, без сопоставления с первообразом, разнообразие превращается в безобразие.

Ответить на проблемы образования без образа можно христианской персонологией, согласно которой человек сотворен по образу Божьему.

Соответственно, образование в этой перспективе возможно лишь как воссоздание в человеке образа Божьего, постижение замысла Божьего о человеке, воспитание человека согласно этого замысла.

В эпоху дегуманизации, когда человек – всего лишь потребитель товаров и жертва технологий, напомнить об образе Божьем в человеке означает вернуть ему высочайшее достоинство и высочайшее предназначение. Логика образовательных реформ и общественных трансформаций такова, что при молчании христиан-педагогов вместо образования-творения человека по образу Божьему скоро наладят конвейерное образование-производство человекоподобных по образу Шарикова.

Третий фактор – **забвение «вечных вопросов»**. Философские или религиозные вопросы о существовании Бога, смысле жизни, потустороннем мире стремительно исчезают из повестки дня. Похоже, атрофируется сама способность задавать похожие вопросы, и даже чувствительность к ним, способность их слышать.

Так одним из феноменов современного западного мира стало постхристианство – состояние нечувствительности, безразличия, отстраненности от своего же духовного наследия. Христианство не стало ненавистным для студентов и учеников, оно стало безразличным. Поэтому по-настоящему пугает не содержание мировоззренческих дискуссий, а их отсутствие.

Ответить на это молчание, на эти отсутствующие вопросы можно не вбиванием в непокорные головы христианских ответов, которых никто не ждет и которые вызовут лишь отторжение, а переформулировкой ответов в вопросы, обострением этих вопросов, их неподдельной искренностью, их пугающей прямоотой.

Христиане-педагоги не должны учить свысока, поддаваясь иллюзии ясности и знания. Они должны молчать вместе с учениками, слушать голоса аудитории, оставлять вопросы открытыми. Характер современного вопрошания таков, что в аудитории нет вопросов, а у педагогов нет ответов, поэтому вопрошать нужно о самой возможности вопрошания.

Один из способов думать и говорить о вечных вопросах – использовать не прямые пути передачи смыслов, нерелигиозную форму, культурно адекватную и узнаваемую упаковку духовного содержания. Прямые ссылки на веру и Бога устарели и больше не работают. Поэтому христиане не могут более игнорировать современную культуру, лишь через нее, изнутри нее возможен разговор о Боге. Но специфика ее такова, что там нет простых рецептов, ясных ответов, пафосных проповедей, вымученных улыбок. Так что вопрос возвращается к самим христианам – способны ли они говорить о Боге без упрощений, без агитации, без манипуляций.

Я упомянул лишь три фактора, которые показывают тесную связь проблем, накопившихся в образовательной среде, с более широким

контекстом общественных перемен, сдвигами в сознании, технологиях и культуре. Вовсе не нужно ожидать от христиан-педагогов ответов на вышеупомянутые вопросы. Скорее напротив, сами христиане должны искать, ждать, слушать ответы, которые могут прозвучать как внутри их сообщества, так и со стороны внешнего мира.

Изнутри кризиса никто не в состоянии помыслить даже саму возможность посткризисного мира, а значит ответы невозможны как результат нашего христианского гения или упорного труда, но они приходят как дар в процессе нашего мужественного вопрошания, открыться которому мы все приглашены во исполнение нашего христианского призвания и в силу окружающей нас неопределенности.

Кризис традиционной религиозности. Осенью 2010 в Германии вышла книга Натальи Гавриловой о религиозности украинской молодежи (Гаврилова Н. Современная религиозность. Во что и как верит молодежь Украины. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010. – 148 с.). Книга резюмирует результаты многолетних исследований религиозности современной молодежи в постсоветском контексте и провоцирует дискуссии среди социологов, религиоведов, религиозных лидеров. Какое место занимает религия в жизни молодых поколений? В чем выражается декларируемая религиозность? Как современная религиозность соотносится с церковной жизнью, с конфессиональными традициями, с официальными формами, государственными предпочтениями?

Исследование Натальи Гавриловой вызывает интерес у представителей христианских конфессий, озабоченных оттоком молодежи из Церквей, безразличием к религиозным вопросам. К сожалению, в Украине не проводятся исследования по инициативе самих Церквей, поэтому нет возможности для сравнения результатов конфессиональных и религиоведческих анализов. Отсутствие проверенных данных приводит к мифотворчеству относительно современной религиозности, когда с легкой руки можно называть всех верующими или неверующими, говорить о возрождении православия или его гибели, о протестантизации или секуляризации всей Украины.

Исследование Натальи Гавриловой продуцирует вопросы, а не ответы. Задаем простой вопрос: интересуются ли религией молодые люди? Ответ положительный. Очевидно, что нельзя довольствоваться тем, что молодежь вроде бы религией интересуется, хорошо бы узнать интенсивность такого интереса. Оказывается, что периодически интересуется меньшая часть. Значит, большая часть питается другими «духовными» источниками, живет вне религии.

Далее: в каких отношениях молодежь и «духовная» литература? Что читают, можно ли назвать это чтение «духовным»? Серьезная христианская книга не попадает в бестселлеры. Выходит, что называясь религиозными, молодые люди предпочитают книгу нерелигиозного содержания, а иногда и «антихристианского». А Библия оказывается

слишком сложной даже для истово религиозных. Молитву вроде бы все ценят, даже в силу ее верят. А кто молится хотя бы раз в день? А как молится, с участием сознания или просто формально-ритуально?

Согласно опросам, приведенных в книге, более 60% студентов не могут подтвердить факт религиозной свободы в стране. Это значит, что они не будут ее защищать и даже не заметят, когда она исчезнет? Или это значит, что люди проблему не замечают, потому что ее нет, потому что с религиозной свободой и терпимостью все обстоит довольно неплохо?

Большинство молодых людей выступает за невмешательство религии в сферы нерелигиозные. Это как понимать? Как приватизацию религии или как ее музеефикацию? Религия перемещается внутрь, в глубину личности, или в пыльный архив? Отметим, что религиозный индивидуализм спасителен в эпохи кризиса Церкви. Если Церковь вызывает лишь реакцию отторжения, то личная вера может быть спасительной. Конечно, разочарование в Церкви грозит религиозной бездомностью. Но чаще всего, приходя в Церковь, молодежь ищет там не Христа, а интересный experience.

Отмеченная эклектичность мировоззрения свидетельствует о том, что вместо традиционного для Украины христианства в ряде вопросов более авторитетными оказываются другие религии. Исследования показали, что вопросы спасения и вечной участи мало кого волнуют, интерес сдвигается к сфере «здесь и сейчас». Не означает ли это, что Церковь больше не может спекулировать темой рая и ада, и должна отважиться на откровенную беседу о вещах более злободневных?

Заметной тенденцией стало увлечение новым формами религиозности, где связь с миром сверхъестественным представляется простой и доступной, где меньше обязательных требований и доктринальной ограниченности. Конфессиональная неопределенность вызывает симпатии у молодых людей, которым тесно в очерченных границах. Им куда более симпатично «просто христианство», о котором когда-то писал оксфордский профессор Клайв Льюис.

Вспомнив известного христианского апологета-интеллектуала К. Льюиса, отметим, что за двадцать лет «христианского возрождения» Украина сохранила худшие традиции советского образования, которое по-прежнему отстаивает научность атеизма и разрушает религиозную идентичность молодежи. Где же честность и принципиальность профессуры, если Дарвин и Маркс до сих пор «в авторитете», а о теории креационизма упоминают лишь в связи с мракобесным протестантским фундаментализмом?

Для студенчества интенсивное религиозное сознание важнее системы обрядов, ритуалов, священнодействий, покорного следования традиции. Вопросы мировоззрения снова выходят на первый план. Там, где взрослый человек молча делает, студент спрашивает и спорит. Такие

дискуссии родны христианству, только в сомнениях, вопрошании, диспутах оно открывается.

Книга Натальи Гавриловой и начавшееся ее обсуждение радуют тем, что возвращают вопросы веры в круг дискуссий, освобождают вечные истины из забвения и музейной пыли. Ведь стоит говорить не столько о молодежи, сколько о христианстве в его новых образах, актуальных, соответствующих духовным поискам новых поколений.

Кризис смысла. Сегодня самое время подумать о смысле, взыскать его «из глубины» кризиса. Причем поиск должен начать не вне Церкви, якобы все уже знающей, но внутри нее. Рушится привычный смысловой порядок, и в этой ситуации Церковь, вместо того, чтобы защищать статус кво, должна поддержать поиск нового, подлинного, настоящего. В студенческой среде этот совместный поиск может быть особенно активный и успешным.

Несколько лет назад я купил в хорошем книжном магазине сборник под названием «Апокалипсис смысла». Купил, потому что мне понравилось название. Уточню: мне не понравилось то, о чем оно говорило; мне понравилась, как точно книга называла то, что я видел вокруг себя в мире и чувствовал в своей жизни.

Обычно мы представляем себе апокалипсис как крушение видимого порядка, как череду судов Божьих над миром через катастрофы, войны, болезни. А тут оказывается, что апокалипсис идет полным ходом, и уже давно. Мы ожидали грандиозных событий внешней жизни, а тем временем наша внутренняя жизнь приходила в упадок, уходила из нас как из дырявой лодки или разбитого сосуда. Мир не исчез, почти все на месте, кроме смысла. В чем смысл? – Этот вопрос более важен, чем традиционный дуплет «Кто виноват? и Что делать?». Время думать не о том, что и как делать. Но о том, зачем, почему, ради чего, на каких основаниях нечто существует, к чему это меня обязывает? Время думать не о том, кто и почему виноват. Но о том, как, каким решением, каким выбором, какой чередой поступков я пришел к такой жизни, к жизни без смысла, к жизни с дырявым дном, к существованию у разбитого и потому пустого корыта.

Сбываются страшные пророчества Ницше – обмельчал человек, оскудел смысл. «Что есть любовь? Что есть созидание? Что такое страсть? Что такое звезда?» — спрашивает последний человек и ... моргает. Земля стала маленькой, и на ней копошится последний человек, который делает все маленьким». Как говорил другой философ, Владимир Соловьев, «Человек если не обожится, то оскотинится». Человек или вырастет, поднимется, или обмельчает, опустится. Как мы «дошли до *такой* жизни», как мы *здесь* оказались – вопрос к каждому в отдельности, вопрос, требующий припоминания, осмысления своей жизни, покаяния, исправления. Но *где* именно мы оказались? Среди жизненной суеты, беготни, мельтешенья стоит остановиться и оглядеться. Мы увидим себя в

некой пустоте, где ни города, ни сада. Это духовная пустыня или дикая степь.

Эту потерянность, заброшенность в пустоту мучительно переживал Александр Пушкин. В стихотворении «Бесы» он живо передает ужас сбившегося с пути человека - среди «неведомых равнин», когда «все дороги занесло», «следа не видно», «мутно небо», «вьюга злится». Потерявшийся догадывается, что это бесовские игры, что это «духи собрались средь белеющих равнин», что это темная сила «кружит по сторонам», «в овраг толкает», «плюет на меня».

В таком страшном месте оказался современный человек, в культурной и общественной жизни которого был утерян, точнее был изгнан Бог. И в этом ужасе бесконечных пространств, где, кажется, нет пути, нет центра, нет освещения, ему надлежит ориентироваться.

В другом своем стихотворении («Странник»), Пушкин рассказал о своих духовных поисках в этой дикой пустоте:

Однажды, странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен.
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь как больной:
«Что делать буду я? что станется со мной?»

Среди этой духовной пустыни странник встретил юношу с Книгой, который указал путь к Свету. Так в пустоте, в обреченности, в ожидании разрушения и суда, появляются Божий посланник, Книга и Свет. Мир пуст смыслом, но полон абсурдом. Обычно на этом останавливаются и об этом сокрушаются, все более отчаиваясь. Я предлагаю смотреть глубже, и видеть даже в обезбоженном мире следы Божьего Присутствия.

Мир, где люди миллионами истребляют друг друга, где торжествуют бесы, где зло узаконено, все же остается Божьим миром. Поэтому христиане исповедуют Иисуса Христа Господом, не отдавая бесам, бес-смыслице ни единой пяди земли.

В стихотворении Пушкина юноша читал Книгу, а потому смог видеть Свет и указать на него другим. Когда мы читаем Книгу, в нашу жизнь возвращается смысл. Не смысл утилитарный, потребительский, банально-обыденной, а смысл высший, абсолютный, Божественный. Во свете Божьей Книги мы видим мир светлым и осмысленным, «ибо у Тебя источник жизни; во свете Твоем мы видим свет» (Пс.35:10).

На самом деле, мир не пуст и не абсурден, как пытаются нас убедить враги Бога, ненавистники Смысла, нигилисты атеистических и псевдохристианских гильдий. Мир полон следов и знаков Божьего

присутствия, Его напоминаний о цели и смысле нашего бытия. Эта полнота мира взывает к нашей ответственности думать, учиться, развиваться, вникать, спрашивать, искать, дерзать, строить, бороться, стремиться.

Если мир полон знаков, то в поисках разгадки я должен их внимательно изучать, читать великую книгу природы, присматриваться к социальным связям, проникнуть в тайники воображения и творчества, глубины научных знаний. При внимательном и благодарном отношении к миру, складывается впечатление, что Вселенная – не темная пустота, а дом, в который человек вселился. Любой дом обладает своими правилами и своей тайной, унаследованными от основателя, строителя, господина.

Человек живет не в диком поле, а в доме, полном следов и указаний на мудрости и любовь Создателя. Более того, сам человек, даже в своей падшести, безобразности напоминает о своем Творце. Человек – шедевр Бога, Его «памятник». И даже если человек пуст, утратил смысл, полноту жизни, то утрата, пустота, дефект по-своему проповедают о Боге, болью и тоской напоминают о нехватке.

Между людьми можно встретить надприродные явления гораздо чаще, чем в самой природе. Сочувствие, взаимопомощь, любовь, прощение, единомыслие, солидарность, которые среди нас еще встречаются, напоминают о сверхприродной тайне человека. Он принадлежит природе лишь своей частью, но явно выходит за ее пределы, соотносится с миром нравственным, духовным.

Душа, о которой не в состоянии были забыть даже «научные атеисты», с точки зрения эволюции, орган совершенно бесполезный, но редко кто согласится продать ее дьяволу или обменять в пункте обмена валют. Когда-то в школах дети твердили наизусть: «Составляющие тела человека весом 70 кг: мышцы — 50 кг; кости — 15 кг; внутренние органы — 5 кг; душа—0 г». От этого тема души становилась лишь более таинственнее, в нее верили тем больше, чем отчаяннее микроскопы ее разоблачали.

Смысл жизни состоит в открытии Бога, возвращении к Нему и все большем уподоблении Ему. Смысл определяется отношением человека к Богу, этой мистической связью. Если эта Бого-человеческая связь рвется, все бусины – части, темы, уровни, аспекты, идеи, блага, условия жизни рассыпаются прахом.

Армянский поэт-мистик Григор Нарекаци прекрасно передал чувство человеческого несоответствия изначальному Божьему замыслу: «Я – дом, но дом забытый испокон.// И чтоб его избавить от проклятья, // Он должен быть очищен, обновлен, //Обмазан глиной Божьей благодати.

Если наша жизнь, наш мир, наша личность - дом Бога, то смысл вернется к нам вместе с Ним. Если мы - дом, то в отсутствии Творца и Господина мы будем мучиться пустотой. Но зачем мучиться пустотой, когда вокруг людей оставлено так много Его знаков, «дабы они искали

Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас» (Деян.17:27)? Пока есть Книга, пока горит Свет, самое время подумать о Смысле и взыскать Бога.

Кризис образования уходит корнями в пустоту, образовавшуюся на месте традиционных форм религиозности и узнаваемых смыслов. Вне религиозной системы координат мир становится безосновным и безобразным. Не многие люди (среди студенческой молодежи их еще меньше) способны жить в отсутствии основания и цели, веры и смысла.

Связка образования-религиозности-смысла может быть интерпретирована разными способами, в зависимости от мировоззренческих и методологических установок. Но вне этой связи, при разрывах и конфликтах ее звеньев, кризис будет непреодолимым. Для Натальи Гавриловой связь образования, религиозных традиций и смысловых основ была аксиоматичной (что не исключало проблематичность конкретных форм выражения этой связи, ставшую предметом ее исследований). Нашим общим долгом перед коллегой остается дальнейшее продумывание этой связи.